

Фрагменты рукописи Сергея Дмитриевича Шера «В военные годы»

Первые дни

Первый день войны описан в огромном количестве книг, многократно показан на кино- и телеэкранах. При всём разнообразии этого первого дня для каждого, в нём и много общего – единый для всех переход от устоявшейся, спокойной и бездумной жизни к новой жизни – грозной и неизвестной. То же было и у меня.

19 июня 1941 года я защитил диплом, и воскресенье 22 июня у меня был первый свободный день после почти полугода совмещения работы в НИГРИЗолото и писания диплома. Мы с Володей Дреземейером, моим институтским товарищем, поехали в Ямщину, и с утра, ещё ничего не зная о фактически уже начавшейся войне, пошли на берег Вяземки. День был жаркий, полянка, которую и сейчас хорошо представляю себе, очень красивой, и мы лежали на траве и о чём-то, не помню уже теперь о чём, болтали.

Вернулись мы в посёлок к середине дня, и, по-моему, первой, кто сообщила нам о войне, была тётя Оля Галанина. Запомнилось, как мы слушали висевший на улице круглый чёрный репродуктор, по которому транслировалось выступление Молотова.

Пожалуй, главное чувство, которое осталось в памяти в этот первый день войны, было чувство неизвестности перед наступившим. «Что теперь будет со всеми нами дальше?» – эта мысль для меня была главной.

В пригородном поезде, вёзшим нас в Москву, хотя особых разговоров и не велось, чувствовалась общая напряжённость. Очень отчётливо запомнилось, как в окне показался какой-то маленький самолёт, и всё «население» вагона тотчас же бросилось к окнам и провожало его глазами. Самолёт, на который ещё вчера никто не обратил бы внимания, теперь возбуждал самые различные чувства. «Неужели уже немецкий? Что он будет делать? Если наш, то зачем и куда летит? Почему один?»

Первые три недели войны я продолжал жить в Москве, и о них уже не осталось таких ярких вос-

поминаний, как от первого дня. Выступают только отдельные моменты, которые не очень чётко удаётся расставить в хронологическую последовательность.

В НИГРИЗолото около нашего здания на Ленинских горах рыли щели. Очень быстро был получен приказ об эвакуации, ибо помню, что, ещё работая в институте, участвовал в упаковке в большие деревянные ящики институтского имущества.

Очень остро запомнилась в Москве первая воздушная тревога, оказавшаяся учебной. Она началась в предрассветный час, и я хорошо представляю себя вышедшим вместе с другими членами нашей семьи в Гнездиновский переулок через чёрный ход. Стоял грохот, в небе всё время «расщёлкивались» белые облачки выстрелов. От ночного холода и нервного напряжения стучали зубы, и унять их никак не удавалось. <...>

Конкретные и понятные новые дела вводили жизнь в нормальное русло. Мы, окончившие МГРИ, получили направление для руководства строительством оборонительных сооружений. Ведал этим Народный Комиссариат Внутренних Дел, соответствующее его Управление находилось на улице Матросская Тишина, где-то за Сокольниками. Мы ходили туда большой толпой. Я оформил свой уход из НИГРИЗа, где в архивном приказе уже после войны прочёл, что был уволен из института «в связи с мобилизацией на оборонные работы». На Матросской Тишине я получил какой-то денежный аванс. Вроде всё уже было решено. Но когда мы вместе с Володей Дреземейером пошли в наш Советский райвоенкомат – общий, так как мы были соседями, оказалось, что туда ничего не сообщили и нас никуда, ни на какие оборонные работы не отпустили.

Что бы получилось, если бы не было этой случайности? Очень многие из поехавших, строивших противотанковые рвы где-то под Смоленском, потом попали в плен. Одни погибли, другие многое пережили, например, Шура Генкин, который всю войну считался пропавшим без вести, несколько раз был в немецких лагерях. Может быть и меня бы давно уже не было в живых. <...>

Оставшись в Москве, я болтался без дела ещё около двух недель. От этого времени у меня осталось интересное удостоверение и связанные с ним воспоминания. <...> Текст удостоверения гласит: «Предъявитель сего инженер Шер направляется в распоряжение гл. инженера Мосфильма тов. Вейнберга для технической помощи по устройству плотин (запруды), или котлована-водохранилища. Руководителю предприятия срочно организовать рабочую силу для выполнения работы». <...> Вручали эти удостоверения нам, оставшимся по тем или иным причинам в Москве выпускникам МГРИ, в доме, бывшем особняке на Зубовском бульваре, где ещё сейчас находится райсовет. Это было одно из мероприятий для ликвидации последствий зажигательных бомб.

Не знаю, насколько оно оказалось эффективным. А для меня это было первое задание, как окончившего вуз, хотя и не совсем по специальности. С приведённым выше удостоверением и с полным незнанием того, что от меня требуется, я поехал в Мосфильм на Потылиху. Это было на хорошо знакомом мне каждодневном пути от Киевского вокзала к институту НИГРИЗолото на Ленинских горах.

Где-то на территории Мосфильма, на склоне горы <...> я попал в центр большой группы людей, среди которых двое, очевидно, руководители, спорили о том, есть ли смысл строить запруду в выбранным месте, или вода всё равно уйдёт, просочится через грунт. Спор шёл на самых высоких нотах, с обвинениями друг друга чуть ли не в пособничестве немцам и угрозами военным трибуналом.

Робкое предъявление мною удостоверения было встречено весьма бурно. Присланный «для технической помощи» инженер должен был тут же дать своё заключение. Наверное, я бормотал что-то, довольно нечленораздельное, да и вряд ли вообще можно было что-то быстро заключить, не проводя хоть каких-то исследований. Теперь я мог бы сказать что-нибудь с умным видом, а тогда первая моя инженерная должность после окончания института окончилась бесславно. На следующий день, а может быть и тотчас же, я поехал в райисполком и сказал, что готов копать котлованы, но в технические руководители не гожусь. Отставка моя прошла незаметно, наверное, и без меня было у всех достаточно забот.

Курсы

<...> Военная моя служба началась в лагерях Военно-инженерной академии им. Куйбышева около села Николо-Урюпино в 5–6 км от ст. Нахабино. Ехали мы туда на обычном пригородном поезде, почему-то довольно долго ожидая его вначале на вокзальной площади. <...> Первое, очень реальное до сих пор воспоминание относится к тому как (очевидно после выдачи обмундирования и стрижки) нас завели в просторную летнюю казарму, и какой-то офицер показывал и объяснял нам, как надо навёртывать портянку. Это была первая военная «премудрость», усвоенная мною, которую я хорошо помню и сейчас, очевидно вследствие многократной практики не только в Армии, но и позже в своих геологических поездках. <...>

Курсы были краткосрочными, рассчитанными, однако, на несколько больший, чем фактически продолжались, срок – 4 или 5 месяцев. Все слушатели были выпускники 1941 года высших учебных заведений, в основном строительных, а заодно и геологических, геодезических, географических, возможно и каких-то ещё. Народ туда съехался со всего Союза, хотя может быть только с Европейской

его части, потому что, кроме москвичей, мне запомнились, в основном, кавказцы – азербайджанцы из Баку и, отчасти, армяне из Еревана. Азербайджанцы плохо говорили по-русски и не ели свинины, которой нас часто кормили. Очень живо перед глазами у меня их несъеденные порции. Поскольку аппетит у нас у всех был волчий, то, наверное, они здорово голодали. <...>

Все мы были разбиты на учебные роты. Их было 14 или 15, в каждой, по-моему, не менее 160 человек (4 полных взвода). Большинство рот назывались инженерно-сапёрными, но были и специальные. В частности, нас геологов, вначале определили в роту топографическую, где я проучился несколько дней. Потом выяснился «перебор» топографов, и там оставили лишь выпускников МИИГАиКа и географических факультетов университетов, а нас сделали сапёрами. Были ещё специальные роты минёров-подрывников, но вряд ли они чем-то существенным отличались от инженерно-сапёрных. <...>

Насыщенность всех дней занятиями, строго уложенными в расписание, изолированность нашей лагерной жизни как бы отдаляла нас от войны, хотя, конечно, она и врвалась к нам отовсюду. В какие часы точно не помню, по-моему, после завтрака, строй по дороге на занятия останавливался у чёрной тарелки репродуктора, и все молча слушали очередную нерадостную сводку Информбюро.

Вскоре после нашего прибытия на курсы начались ночные немецкие налёты на Москву. В районе лагеря ни разу не бомбили, но поблизости где-то стояли зенитные батареи и пролёт самолётов со-

провождался всегда мощной канонадой. Осколки от зенитных снарядов падали на лагерь, и дневальные утром собирали с расчищенных «линеек», окружавших строй палаток, чёрные, с рваными краями осколки, большие и совсем маленькие и складывали их для всеобщего обозрения на тумбочку под «грибком» у своего поста.

В налёты нас поднимали по тревоге, и в полном обмундировании мы шли в лес – он был со всех сторон вокруг палаток – и должны были залезать в щели, отрытые нами в самом начале пребывания в лагере. Очень трудно было рыть эти щели в сплошном переплетении корней и тяжёлом глинистом грунте. В щели, грязные и сырые, все лезли неохотно, предпочитали сидеть около них. <...>

Однажды я проспал налёт, не поднялся по тревоге и проснулся среди оглушительного треска зениток, который, очевидно, до этого уже продолжался достаточно долго, стал медленно одеваться, раздумывая о том, как незаметно проскочить через линейку в лес мимо дневального. За это время самолёты пролетели, зенитки смолкли, и мои товарищи по палатке вернулись и завидовали мне, что я спокойно спал, пока они сидели в лесу. <...>

Ближе к осени, по воскресным дням (а у нас ещё был день отдыха, как в мирное время), к нам с Дразом (так все мы звали Володю Дреземейера) стали приезжать друзья – Серёжа Тиц, Миша Никитин и Галя – Володина девушка. Мы ходили по лесу, собирали ягоды, потом грибы. <...> Не думалось тогда, что через неделю наше обучение неожиданно прервётся. И никто ещё не мог предсказать, что через месяц или немногим больше пойдёт в раз-

ведку и не вернётся из неё Драз, и Галя будет ждать его много лет. От нас самих наше будущее не зависело нисколько, всё предопределялось каким-то неведомым нам высоким начальством. Наверное, поэтому и мало думали мы о том, что будет впереди. А ещё, наверное, потому что были молодыми.

Тревожные дни в Подмоскowie

Наша размеренная жизнь в лагере прервалась для нас, курсантов, неожиданно, хотя начальство, наверное, знало об этом ранее. До окончания курсов оставалось более месяца, когда вечером была получена команда срочно сдать всё казенное имущество. Это было числа 10–11 октября. <...>

Впервые соприкоснулись мы с военной Москвой, сильно изменившейся с июля. Комендантские посты, заграждения из железных ежей и мешков с песком, заклеенные полосками бумаги тёмные окна, теперь хорошо известные из многочисленных воспоминаний, книг, кинофильмов, сразу приблизили нас к суровой действительности. По шоссе Энтузиастов, около которого мы жили, непрерывной колонной двигались на восток беженцы. Это производило сильное впечатление. Ехали машины с самым разнообразным имуществом, и, главное, двигалась почти сплошная колонна пеших людей с тележками, скарбом, детьми, стариками, коровами, – и всё это непрерывным потоком и день, и ночь, в течение всей нашей жизни на шоссе Энтузиастов, того шоссе, по которому мы не раз до этого совершали приятные прогулки на велосипеде. <...>

Наступил памятный для Москвы день 16 октября, когда начался сплошной выезд из города, и всё чаще вспыхивала паника. По чьей-то неведомой нам команде сверху нас всех привезли в здание Военно-инженерной академии на Покровском бульваре и разбили на группы по 10 человек. Каждой группе был назначен «чужой» командир в чине лейтенанта, которого совершенно не помню. Ночью на каждую десятку выдали по одной винтовке с небольшим количеством патронов, получил винтовку – своё первое боевое оружие – я. Потом была дана команда садиться в машины. Перед академией стояло множество пустых «полуторок». Мы сначала залезли в какую-то не ту машину, где оказалась бесхозная телогрейка. Её прихватили с собой, и она нас здорово потом грела. <...>

Ездили мы почти сутки. Как вскоре выяснилось, надо было найти какой-нибудь оставшийся склад и

загрузиться взрывчаткой. Очевидно, у командира были адреса складов, но вначале найти их не удалось. <...> В шинелях на открытых машинах было здорово холодно; с нами в вещмешках были, почему-то остатки лагерного имущества, и все поверх шинелей закутались в синие байковые одеяла. Так мы и разъезжали по Москве и её окрестностям в долгих и безуспешных поисках склада ВВ.

Действующий склад оказался, в конце концов, на Варшавском шоссе, в большом яблоневом саду, как раз в том месте, по странной игре случая, где я живу сейчас. Мы с удовольствием, согреваясь, таскали ящики с толом, а потом вновь уже на них, закутавшись в те же одеяла, двинулись дальше.

Теперь каждая машина со своим командиром в кабине, десятью курсантами и одной винтовкой в кузове, шла по своему направлению. <...> Моим объектом, на котором я провёл около месяца – был железнодорожный мост через небольшую речку у станции Павшино, куда мы приехали на следующее утро. <...> Приехали мы к Павшинскому мосту 18 октября и находились там до середины ноября. Глубокий снег, выпавший в середине октября, в это время стоял, и днём, насколько помню, всюду были грязь и лужи, а ночами подмораживало. Постоянными обитателями нашего объекта были, кроме меня, два Яши, такие же, как и все на курсах, только что окончившие инженеры, но откуда они были родом и даже как выглядели, сейчас не вспомню. <...>

Ящики с взрывчаткой были уложены нами на опорах моста, провода с электровзрывателями, пока не вставленными в толовые шашки, проведены неглубоко в землю в блиндаж, из щели которого был виден мост. Теперь уже трудно восстановить в памяти, как было дело, но то, что первый мост мы готовили к взрыву огневым способом, а «наш» Павшинский – электровзрывателями, это запечатлелось очень точно. В первом случае, я обжимал щипчиками для сахара бикфордов шнур, во втором – многократно проверяя, крутил ручку взрывной машинки. По-видимому, электросеть для взрывания доставили нам позже, а пока её не было, на случай прорыва немцев вдоль железной дороги <...>, приходилось готовить взрыв бикфордовым шнуром.

Произвести взрыв мы должны были в случае получения особой команды (которой к счастью не последовало), а до этого в наши обязанности входило несколько раз в день проверять целостность взрывной электросети, а по ночам охранять наш

объект. Каждая ночь распределялась между нами троими поровну, или дежурили мы через ночь, я уже не знаю. Хорошо помню только, что на троих у нас была одна винтовка (очевидно, нас дополнительно снабдили оружием), с которой мы стояли на своём посту, и одна телогрейка (как будто та, случайно найденная при выезде колонны автомашин), которую мы поддевали под шинель.

Утром, конец дежурства определялся по радио – где-то поблизости, очевидно на станции Павшино. Оно начинало свою работу неизменно, как и потом всю войну с известной песни:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная,
Священная война!

<...> отчетливо в памяти встаёт маленькая железнодорожная будка у переезда, метрах в 50 от моста. Теперь её уже снесли. В эту будку изредка во время ночных дежурств мы заходили греться. Там жарко топилась маленькая железная печурка, и пожилые женщины – путевые обходчицы или дежурные на переезде, закутанные в платки, вели нескончаемые разговоры о войне. Часто (а может быть теперь только кажется, что часто, а было это в одну особенно запомнившуюся длинную осеннюю ночь) пересказывались и толковались священные книги, будто бы предсказавшие войну, а, главное, победу в будущем, которая придёт после долгих и тяжёлых испытаний. Красный конь победит белого, а до этого будут летать железные птицы, и земля содрогаться, и народы уйдут с обжитых мест. <...>

Жизнь на Павшинском мосту продолжалась почти месяц. За это время нам привезли приказ о производстве большинства из нас в лейтенанты, а нескольких курсантов, очевидно плохо занимавшихся, в младшие лейтенанты. Я прикрепил к шинели и гимнастёрке по два кубика, и в одно из посещений Москвы сфотографировался на Пушкинской площади между кинотеатром «Центральный» и домом «Известий», там, где сейчас выход из метро «Пушкинская». Это моя первая военная фотография с лихими усами, хотя ещё и не очень густыми.

В середине ноября мы передали свой заминированный мост какому-то сапёрному батальону, и все сосредоточились около самого близкого к Москве объекта – тоннеля под каналом Москва-Волга на Волоколамском шоссе. К этому времени наша группа пополнилась ещё десятью солдатами, а, наряду с командиром, к нам был приставлен

ещё один лейтенант – представитель контрразведки «смерш».

Тогда, а может быть ещё раньше, мне было выдано «Предписание», согласно которому лейтенант Шер С.Д. должен был «явиться для дальнейшего прохождения военной службы в 6-ю инженерно-сапёрную бригаду в г. Казань после окончания выполнения специального задания». Этот документ был, по-моему, единственным, который как-то удостоверял мою личность, но на всех многочисленных КП Москвы он действовал вполне безотказно – меня при московских поездках никогда не задерживали, а предъявлял я его очень часто.

Поселили нас в одном из зданий теперешней больницы Министерства путей сообщения, у упомянутого уже тоннеля, там, где теперь конечная остановка троллейбуса № 20. Больница существовала ещё до войны, в основном её здании, очевидно, был госпиталь, а наш 4-х или 5-этажный дом, слева от больницы, служил общежитием медперсонала. В комнатах этого общежития жили медсёстры и врачи, которых ещё не успели вывезти в какие-то более отдалённые от фронта места, а частично вывозили при нашем там пребывании.

До этой западной окраины Москвы доносился уже по ночам гул канонады, очевидцы рассказывали о близости немцев – они действительно тогда были не далее, чем в 20–30 км от Москвы. Несмотря на это, а может быть отчасти и поэтому, жизнь наша была очень беспорядочная и даже какая-то отчаянно весёлая. В оставшихся жилых комнатах крутились патефоны, под музыку шли танцы, много играли в карты (в основном, в подкидного дурака), откуда-то из Тушина в большом молочном бидоне притаскивали пиво, которое несмотря ни на что ещё кое-где продавалось. <...>

Охрану единственного оставшегося у нас объекта – тоннеля под каналом Москва-Волга теперь несли солдаты, а у нас <...> никаких обязанностей не было. Очевидно, начальству было не до нашей десятки молодых лейтенантов. О нас, по-видимому, все забыли, что и обусловило наше несколько затнувшееся пребывание на объекте.

Школа младших лейтенантов

Наша бездельная жизнь длилась, наверное, дней 10–15. Закончилась она уже в декабре, когда началось наступление наших войск под Москвой. <...> Для получения назначения нас всех, а может

быть только часть группы, повезли ночью на машинах в штаб инженерных войск Западного фронта. Я знаю это место около станции Барвиха, где размещался штаб, потому что позже, уже в феврале 1942 года, прослужил там около месяца. А тогда, тёмной ночью нас везли через какой-то незнакомый лес по казавшейся очень длинной извилистой дороге, куда-то в неведомое. Вдали, то с одной, то с другой стороны полыхали зарева пожаров.

Потом, уже днём, я принимал взвод в школе младших лейтенантов инженерных войск Западного фронта. Это было опять же рядом с Николо-Урюпиним в Архангельском, куда мы во время занятий на курсах часто ходили. Я был очень озабочен тем, как скомандовать построенному взводу, так как во время занятий только сам такие команды выполнял. Тогда, да и потом, хорошо получалась команда «Равняйся!», скомандовать же «Смирно!» оказалось очень трудным. <...>

Окончательное место школы младших лейтенантов инженерных войск Западного фронта было в городе Орехово-Зуеве. <...> Первое и довольно значительное время мы должны были проводить все занятия, так как специальных преподавателей не было. Это значит, что 10 часов ежедневно надо было учить тому, что мы сами ещё кое-как знали, а частично и вообще не знали. Особенно трудно было вначале, когда занятия ещё были в классе, а не практические. Примерное дневное расписание выглядело так:

- 2 часа – Политподготовка
- 2 часа – Караульная служба
- 2 часа – Строительство переправ
- 2 часа – Подрывное дело
- 2 часа – Военная топография.

Для проведения занятий надо было хотя бы разок самому прочитать наставление, устав или учебник, а уже потом пересказывать его слушателям. К тому же каждый третий день приходилось быть дежурным по роте, то есть приходиться до подъёма и уходить в своё общежитие после отбоя.

Группы – взводы – в школе были разные. Мой взвод, в частности, готовил не младших лейтенантов, а младших командиров. Слушателями были солдаты, в отличие от нас – командиров – уже успевшие повоевать, некоторые выписавшиеся из госпиталей. Все они были рады, что получили передышку в своих боевых действиях, и большинство учились с большой охотой. Образовательный уровень был самый разный, но обычно, очень низкий – несколько классов сельской школы.

Сейчас, конечно, я уже не помню никого из своих учеников, время обучения которых было около месяца. Почему-то вспоминается только очень живой и сообразительный грузин и какой-то солдатик крошечного роста, вечно сбивавшийся с ноги в строю и отстававший во всех делах. Какова судьба всех, сколько из них осталось в живых, пройдя через тяжёлые дороги войны!

Преподавать стало несколько легче, когда начали преобладать практические занятия. Разбирали устройство мин – наших отечественных и немецких трофейных, отрабатывали взрывы, вначале без толовой шашки с одним капсюлем, потом подрывали столбы, слуги, деревья, лёд на Клязьме. Надо сказать, что на курсах в Нахабине именно это нам почти что и не успели преподавать.

Где-то в начале занятий в одной из групп произошёл несчастный случай – взрыв мины или толовой шашки. Незнакомому мне командиру взвода или роты, проводившему занятия, оторвало руку. После этого ввели несколько более строгую выдачу взрывчатых «учебных пособий», но всё равно взрывали мы много. Обычно вызывали сразу пять или шесть человек. Они снаряжали всё к взрыву и должны были по команде зажечь бикфордов шнур,

а потом спокойно отойти (не бежать!) на безопасное расстояние, где размещалась остальная группа.

Помню, что при этом проявлялся характер каждого солдата. Одни зажигали шнур совершенно спокойно и уходили, а другие волновались, не попадали спичкой в горящую сердцевину (до сих пор помню, как срезать шнур, прижимать к нему спичку и чиркать по ней коробком). Поскольку в это время уже горели рядом другие шнуры, волнение их ещё усиливалось. Если было достаточно времени до общего взрыва, то мы, преподаватели, помогали им, а если уж видели, что времени нет – давали команду отходить.

Из жизни школы мне запомнился очень зримо приезд генерал-майора Воробьёва (который потом был маршалом инженерных войск); тогда он был начальником инженерных войск Западного фронта. Мы с взводом строили в учебных целях блиндаж или землянку. Поскольку этим практически руководить я, конечно, не мог, то выявил из состава взвода несколько плотников и сделал их инструкторами. Сам я только присматривал за порядком.

День был морозный, в лесу глубокий снег. Я замёрз и стал таскать со своими учениками слуги. Уши у моей шапки были спущены, шинель наполовину расстёгнута, засыпана снегом. Вдруг кто-то из солдат говорит мне: «Товарищ лейтенант, генерал идёт!». Воробьёв в сопровождении всего школьного начальства был уже совсем рядом и, поняв, что я уже не успею привести себя в нормальный вид, я так, в расстёгнутой шинели и развязанной шапке пошёл навстречу начальству. Из-за генеральской спины командир роты подавал мне угрожающие знаки. Но всё сошло, однако, благополучно. Попало мне только за чужую вину. Около нас оказалось несколько деревьев с изодранной корой. Генерал рассердился, что мы не бережём лес, и прочёл мне нотацию.

Моя короткая, около месяца, преподавательская деятельность доставляла мне много приятных минут. Это хорошо видно из тех открыток, которые я регулярно писал домой. <...>

От 20 декабря:

«...сегодня я провёл 7 уроков, готовиться к которым начал сегодня же. Но это приносит и много радости: слушатели очень жадно впитывают все премудрости, и отношения у меня с ними установились очень хорошие. Вообще я довольно быстро втягиваюсь в новую для меня жизнь...»

От 26 декабря:

«Вынужден покаяться, что стал несколько реже писать вам. Но представьте себе, что я по 10 часов в день провожу занятий, готовлюсь к ним и ещё несу разные мелкие нагрузки. Сейчас всё же решил написать вам перед сном. Завтра надо встать в 4 часа утра – идти присутствовать на подъёме. Однако не подумайте, что жизнь моя плоха. Одно то, что слушатели мои говорят мне: "Нам Ваше преподавательство очень уж нравится" доставляет мне немало приятных минут. Вообще воспитывать и учить людей чрезвычайно интересно, а люди замечательно все хорошие и интересные, каждый по-своему».

Осталось воспоминание от новогоднего вечера 1942 года. Он был, наверное, устроен какой-то шефской организацией. Очень хорошо пел мальчик дискантом песню «А я не сплю в дозоре у границы». И эта песня, впервые слышанная в этот вечер, запомнилась на всю жизнь. После рано окончившегося (задолго до двенадцати, после какой-то пляски наших солдат) вечера, я ушёл в общежитие и лёг спать, так как завтра был обычный подъём около 6 часов или раньше. <...>

Жили мы в Орехово-Зуеве до 26 января и думали, что эта жизнь продлится ещё долго. Со временем жизнь стала спокойнее, главным образом, из-за того, что для проведения специальных занятий приехали преподаватели. Помню, как приехал специалист инженер-мостостроитель. Он осмотрел выстроенный в небольшом овражке под моим руководством кривой и косою мост и потом многозначительно хмыкнул, узнав, что я геолог. <...>

Возвращение в Москву

Как всегда в Армии, неожиданно мы получили приказ вернуться вместе со школой в Москву. <...>

Оставшись в штате школы младших лейтенантов, я был прикомандирован к штабу инженерных войск Западного фронта. Сначала было сказано, что это задание на несколько дней, а потом выяснилось, что практически постоянно. В штабе инженерных войск в результате я проработал около 1,5 месяцев. Я подчинялся также нештатному начальнику отдела учёта офицерских кадров, который ведал комплектованием и перестановкой и распределением офицеров в весьма многочисленных инженерных частях Западного фронта. Был им майор Рубашкин, который, судя по моим письмам домой

и воспоминаниям, представлял собой очень приятного человека и очень хорошо ко мне относился. Чем-то он напоминал мне папу. Помню ещё, что он был очень обязательный службист и мы с ним сидели вечерами всегда до двух-трёх часов ночи даже в тех случаях, если не было особенно срочных дел. Но таков был, говорили, общий порядок во всех крупных штабах, связанных с режимом работы Сталина. Начинали мы, правда, работать довольно поздно, насколько я помню, часов в 10 или 11 утра. <...>

В штабе я заполнял большие книги и карточки на всех офицеров инженерных войск. Суть этой работы я представляю довольно смутно. Наиболее запомнилось мне в штабе довольно долгое занятие по комплектованию новых понтонных батальонов с деревянными парками. Их было около 10. Моё занятие заключалось в доставке в батальоны офицерского состава. Я ездил по резервам разных родов войск: помню, что к начфинам, медикам, ветфельдшерам и, наверное, другим и привозил командиров. Это было довольно канительное, но вместе с тем живое дело.

Сначала, когда я уезжал за офицерами, то командиры, которые уже были все укомплектованы и находились где-то при нашем штабе, давали свои неофициальные указания, касающиеся возраста, пола, внешнего вида будущих начальников. Потом были всякие недоразумения, обмены, которые приходилось согласовывать и оформлять. На фоне нашей чисто бумажной работы эта деятельность осталась у меня как наиболее живая. Интересно, что одного из командиров сапёрного батальона с деревянным понтонным парком я потом встретил в качестве геолога на Урале. Но он едва, конечно, вспомнил, как я ему привозил из резерва командиров.

В качестве курьёза могу указать, что в штабе инженерных войск Западного фронта все начальники оказались с птичьими фамилиями. Начальник инженерных войск генерал, а потом маршал Воробьёв, начальник технического отдела полковник Ястребов, начальник отдела снабжения полковник Воронов, зам. начальника отдела полковник Коршунов и ещё, наверное, 2–3 человека, которых уже забыл.

В штабе всем офицерам приходилось периодически дежурить. <...> В дни, вернее ночи, дежурства я писал длинные письма домой и своим уже раскиданным по всем фронтам, а иногда и пропавшим друзьям. <...>

Отряд глубокого бурения

Работа в штабе инженерных войск Западного фронта мне в целом очень не нравилась. Она, действительно, была далёкой от боевой деятельности, совершенно бумажной, сугубо канцелярской. Я даже чувствовал себя неловко, выполняя такую работу, и мне казалось, что на ней должны быть либо старички, либо хитрые пролазы. Тяготил также режим работы – до 2–3-х часов ночи ежедневно.

По-моему, два или три раза я писал своему начальству рапорты о переводе в какую-либо воюющую часть. Но мой очень приятный начальник майор Рубашкин каждый раз откладывал рапорт и говорил мне, что я успею навоеваться, что я здесь нужен, и другие хорошие слова. Вместе с тем, у меня с ним были все списки офицерского состава и вакантные должности всех инженерных частей фронта. Так что выбор для перехода куда-нибудь был обширный.

Вопрос о моём уходе из штаба был почему-то решён одновременно с уходом майора Рубашкина, который также просился в действующую часть. 20-го марта, то есть после примерно 2,5 месяцев работы в штабе, я писал домой, что «почти пере-

шёл на другую работу – в отряд глубокого бурения» на должность старшего техника. <...>

27 отдельный отряд глубокого бурения (27 ООГБ) был небольшой частью порядка отдельной роты, непосредственно подчинённой штабу инженерных войск Западного фронта. Главная задача его была – обеспечивать войска водой, особенно госпитали и аэродромы. Отряд должен был быть оснащён специальным буровым оборудованием, которого, к сожалению, у него фактически серьёзного не было.

Забегая немного вперёд скажу, что в разных вспомогательных отделах фронта название отряда всегда производило внушительное впечатление. Нередко пытались спрашивать, что это за отряд, но мы по возможности отвечали таинственно, вроде «выполняем разные специальные задания». Так лучше снабжали нас горючим, материально-техническим имуществом и другими всякими благами.

Мне очень отчётливо помнится, как я с тощим вещевым мешком за плечами зимним утром шёл к совершенно новой для себя деятельности. Даже помню, как где-то на дороге, в знакомом по туристическим походам местах, не доходя до села Ильинского, где стоял отряд глубокого бурения, сел на мостике перематывать портянки и думал, как я ходил здесь на лыжах до войны, и какая предстоит жизнь – никто не знает.

После очень напряжённой в целом, хотя и будничной, работы штаба, в отряде первое впечатление было – отсутствие постоянных дел. Я писал домой, что «пока делать нечего, и мне все только предлагают "отдохнуть"». Я бродил по хозяйству отряда и знакомился с очень небольшой и примитивной техникой. И вообще я ещё не приспособился к фронтовым порядкам, когда периоды непрерывной деятельности и спешки, сменяются периодами затишья и ничегонеделанья.

Первое моё задание в отряде глубокого бурения была рекогносцировка помещения штаба Западного фронта в районе ст. Обнинская вблизи города Малоярославца и разведка под его строительство.

Хорошо помню, как я впервые выехал в те места, где ещё недавно были немцы, по такому близкому и знакомому мне теперь Варшавскому шоссе. Сопровождал я какого-то инженерного начальника и ехал один в кузове очень холодной «полуторки». Варшавское шоссе, как ещё довольно долго после войны, было очень узкое, а в военные годы к тому же чрезвычайно разбитое. Первое, что запомнилось, это район Речного порта. Здесь мы об-

гоняли очень медленно двигавшийся кавалерийский корпус. Обгон длился, наверное, около часа. Мы пропускали медленно продвигавшихся, усталых лошадей, на которых в бурках сидели кавалеристы. Как только колонна останавливалась, кавалеристы прямо в бурках ложились на асфальт и тут же засыпали. Когда мы выехали за город, то перед глазами открылась, ставшая потом обычной, а тогда ещё совсем новая для меня, картина боёв. Всюду встречались сгоревшие дома, стояли остовы печей, окружённые грудями кирпичей, торчали разбитые и искорёженные немецкие орудия, обгоревшие машины. Несмотря на холод и тряску я во все глаза смотрел на следы недавних боёв. Некоторые картины того пути как бы ещё и сейчас стоят у меня перед глазами.

Штаб Западного фронта предполагалось оборудовать в глубоких оврагах, где надо было пройти ряд штолен – для телефонной станции, определённых отделов и т. д. Наш отряд должен был определить места залегания штолен. Я помню, что командование сапёрного батальона, проводившего непосредственное строительство штаба, смеялось вначале над нашим участием и очень сомневалось в его целесообразности. Позже, когда ещё до наших изысканий, штольни вошли в водоносный горизонт и начатые сооружения затопило, отношение к нам изменилось.

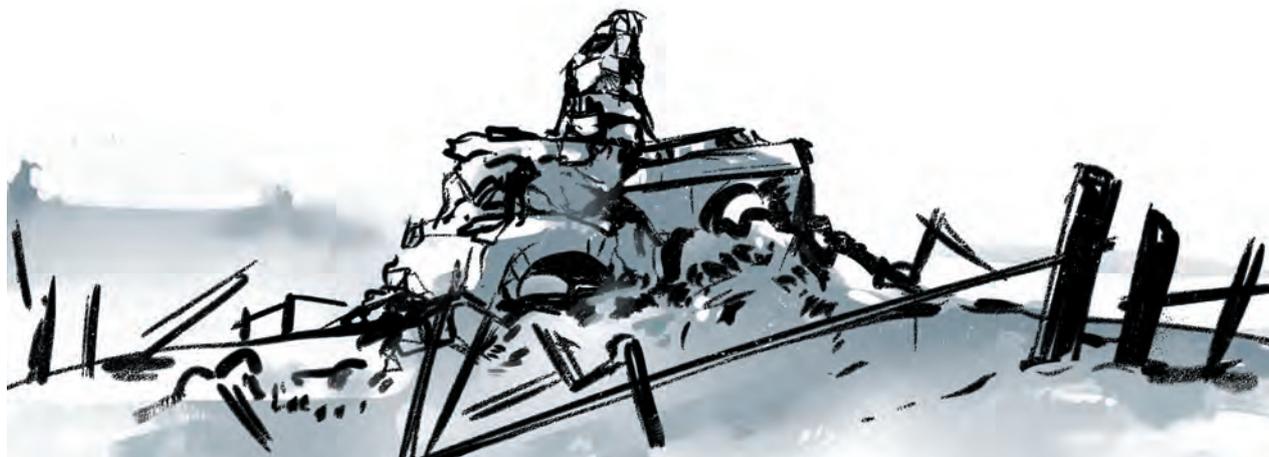
После моей индивидуальной с каким-то начальником поездки, мы приехали с группой наших солдат бурить. Я писал 8-го апреля домой:

«Живу в полевой геологической обстановке и бурю. Чрезвычайно доволен, что занимаюсь, наконец, интересной для меня работой. Бегаю, вымазался в глине, показываю, как свинчивать инструмент и т.д. Для себя составляю головокружительные геологические прогнозы, для начальства – рисую разрезы. Словом, лучшего ожидать нельзя.

К этому ещё чудесные весенние дни. Бегут ручьи, поют птицы, особенно по утрам. Солнце греет, ёлки пахнут особой свежестью.

Народ, с которым я работаю, очень хороший – в большинстве родной моей рудничной натуре. Приятно также чувствовать самостоятельность и свободу...»

К сожалению, это, по-моему, и осталось единственным чисто геологическим заданием, которое выполнял отряд. Народ тогда был в отряде действительно сплошь из уральских буровиков, но очень скоро, хотя и не за один раз, его заменили нестроевыми старичками.

Через неделю я оказался, тоже с группой солдат, на выполнении менее интересного и приятного задания в Нарофоминске. Здесь мы должны были чинить водопровод, повреждённый в результате неоднократного артиллерийского обстрела. Насколько я помню, задание это мы не выполнили, хотя возились в воде и ужасной грязи довольно много дней. Наши маломощные насосы только перекачивали воду из одной воронки в другую.

Под Нарофоминском, вернее на его окраине, ранее при нашем наступлении шли очень большие бои. Как раз таял снег, и лежало огромное количество трупов, чего я после никогда не видел. Не помню про наши трупы, их, наверное, довольно быстро хоронили, хотя и они то и дело вытаивали из-под снега, но немецкие трупы лежали огромной горой и производили ужасное впечатление. Была также масса солдатского имущества, в том числе, винтовок, патронов, гранат, всё ещё мало виденное нами.

Жили мы, в отличие от Обнинской, в самом Нарофоминске, где-то в районе городской окраины. Население там, застигнутое войной летом 1941 года и пережившее «под немцем» большую часть зимы, материально очень бедствовало. Запомнилось, что хозяева и соседи наши доставали из-под снега сохранившуюся зимой чёрную и мягкую полугнилую картошку и в виде трофеев добывали также не первой свежести куски лошадей, убитых во время боёв и пролежавших значительную часть зимы. Помню, как мы отняли у какого-то мальчишки, как будто сына хозяйки, толовые шашки, которые он принял за гороховый концентрат, – случай и позже на моих глазах довольно часто повторявшийся.

Мы сами тоже питались во время этих поездок неважно. Сам я не помню, чтобы испытывал особые лишения, но знаю, что бойцам, работавшим физически, было голодно, а один очень здоровый боец, которому требовалась двойная порция, лежал и не мог работать. <...>

Кроме описанных двух заданий мы начали заниматься рытьём колодцев, главным образом, в госпиталях, но я помню об этой работе больше из дальнейшего и то, что я объезжал свои объекты на каких-то трофейных велосипедах. <...>

Отряд наш из Ильинского в конце апреля переехал в деревню Жуковку, где-то около Барвихи, а затем при продвижении всего Западного фронта на запад в район ст. Обнинская, недалеко от Малоярославца. Здесь мы жили до лета 1943 года в деревне, которой забыл название, но прекрасно помню расположение всех домов. Штаб инженерных войск размещался здесь же в бывшем помещицком доме. В целом, весь этот год был у меня очень мирный, совсем далёкий от настоящей войны, поскольку и каких-то боевых операций в этом году на фронте не было.

Выступают в памяти только отдельные эпизоды из жизни отряда. Совсем особой работой, не похожей на другие, была разведка и проектная подготовка танконепроеходимых рубежей. Я занимался ею три раза, в общей сложности 12–15 дней, но она очень хорошо запомнилась. Первый раз это было около Кубинки, потом не знаю где, и наиболее запомнившаяся мне по ряду обстоятельств в окрестностях Каширы.

Суть её заключалась в том, что нам на значительной линии обороны надо было предусмотр-

реть сооружения труднопроходимые для танков. Главные из них были небольшие плотины, вернее системы плотин, которые бы превращали маленькие речки в танконепроходимые. Эти рубежи проектировались в нашем ближайшем тылу, на уже отвоёванной у немцев территории, для её закрепления на случай контрнаступления. Поскольку, как известно, немцы под Москвой повторно не наступали, эти оборонительные сооружения активной роли не играли. Я даже не знаю, были ли фактически построены эти плотины, рвы, эскарпы и другие инженерные сооружения. Но, во всяком случае, как всё в Армии, задание было очень срочное и выглядело очень ответственно.

Выполнял я эту работу совместно со специалистами из «Спецгео» – гражданской организации. Был в этой группе, во всяком случае, Каширской, насколько я помню, кроме меня – геолога, ещё инженер-гидротехник, специалист по строительству плотин, топограф и ещё несколько человек.

Рубеж наш, который мы оборудовали, проходил совсем близко от переднего края, который стоял неподвижно с зимы 1942 года. В первый раз за всю войну я был в зоне обстрела и, пробираясь с каким-то сопровождающим на нашей машине, мы должны были то и дело вылезать и миновать обстреливаемые участки. <...> Ходили мы по местности несколько дней – наносили на карту овраги, отдельные отрезки речек, мерили их глубину, смотрели, чем сложены берега, вообще активно трудились.

Обработка собранного нами материала проходила на какой-то очень симпатичной и уютной улочке в Кашире, в маленьком частном доме. Срок нам был отпущен очень сжатый, порядка нескольких дней, а надо было не только всё изобразить графически, но и подсчитать необходимое количество рабочей силы, объёмы перемещаемого материала, затраты леса и т.д. Мы сидели днём и частично ночью, прерываясь лишь для еды и короткого сна. Особенно мне запомнился наш гидротехник, который всё время впадал в панику, твердил о том, что выполнить весь объём работы невозможно, что он уже ничего не соображает и т.д. <...>

Из прочих заданий и событий жизни отряда, запомнились ещё немногие. Хорошо помню, например, как я с трактористом должен был доставить из-под Обнинской в район Жуковки буровой станок. Станок был на железном ходу, ударного бурения, и вообще уже в то время совершенно негодный, но почему-то его нельзя было списать

в Обнинской, а требовалось везти на прицепе за трактором примерно за 100 километров.

Я запомнил этот наш путь потому, что он пролегал частично вдоль реки Нары, где до этого проходил передний край обороны. В связи с этим, мне частично пришлось идти впереди трактора, проверяя отсутствие мин. Кроме того, на нашем пути встречались забытые трупы, и мы куда-то доставляли документы и участвовали в захоронении покойников. Всё это было в начале лета 1942 года, и наряду с военными делами, мы любовались очень пышной и красивой природой бассейна Нары.

Довольно большим заданием было восстановление плотины в Б. Вязёмах. Я приезжал туда ненадолго, а все работы производил пожилой инженер-гидротехник по фамилии Хлюс или Хлюст, очень низенький, приземистый и с настоящими «хохлятскими» усами. По-моему, он был без всякого звания, хотя и руководил работами, что в начале войны ещё бывало. <...>

Было, конечно, в отряде ещё много всяких внутренних хозяйственных дел, но в целом почти во всех письмах домой отражается отсутствие настоящих заданий. <...> Это отвечало и спокойному положению, и отсутствию каких-либо действий на Западном фронте в это время. <...> Осенью 1942 года начались изменения и в моей жизни.

Командование тылами

Если предыдущее время было для меня не очень боевое, и я жил, волею судьбы, довольно мирною жизнью, то последующие несколько месяцев оказались ещё более далёкими от войны. Но, тем не менее, это были месяцы войны, которая шла своим чередом, с великими и малыми делами. Если хочешь описать всё правдиво с позиции одного человека, надо рассказать и о мелких событиях, которые относятся к тому времени.

В районе ноябрьских праздников 1942 года я был направлен в окрестности станции Петушки, которую я потом не раз проезжал по дороге во Владимир. Там находились огромные склады инженерного имущества. Мне предстояло выяснить наличие и произвести инвентаризацию водоснабженческого инженерного имущества. Я провёл где-то в лесу около Петушков несколько дней, а за это время был получен приказ о переводе отряда на Сталинградский фронт. Таким образом, вся привычная жизнь сразу же нарушилась. <...>

Когда я приехал в отряд – это было поздно вечером – первое, на что обратил внимание, – это отсутствие караулов у штаба, складов и в других привычных местах. Помню, как я возмущенный и удивлённый этим зашёл в караульное помещение и там узнал, что отряд весь уехал.

Оказывается, мы получили приказ передислоцировать отряд на Сталинградский фронт, где в то время уже шло генеральное наступление. В степи требовалось обеспечивать госпитали, аэродромы, штабы большим количеством воды. Эта задача, по замыслу, и должна была быть возложена на отряд.

Организационная трудность переброски всего состава отряда заключалась в том, что к этому времени отряд очень тесно врос в штаб инженерных войск Западного фронта: у нас было много солдат, которые числились в отряде, но фактически были прикомандированы к штабу, где являлись сверхштатными связными, ординарцами и всякими другими аналогичными «деятелями». <...>

Тесные, многогранные связи отряда с Управлением инженерных войск фронта обусловили следующее решение о его переезде. Было принято решение, что отряд выезжает на Сталинградский фронт лишь временно, в командировку для выполнения задания.

Приказом на меня было возложено командование оставшейся под Москвой части отряда. Таким образом, я неожиданно оказался командиром около 30–40 человек, в значительной степени разбросанных по разным местам – на заготовке сена, продуктов и т.д. или прикрепленных к штабу. С

остатками отряда остались одна или две машины и трактор, которые во время переезда были на сенозаготовке, и ещё какая-то техника.

Поскольку отряд продолжал числиться на Западном фронте, то ему шли всякие директивные бумажки и запросы, на которые полагалось отвечать. В основном, этим мы и занимались. Были и всякие мелкие хозяйственные дела. Жизнь, в целом, была очень тихая и спокойная. <...>

Несмотря на вольготность моей жизни, она меня очень тяготила. Главная неприятность её заключалась в вольном или невольном участии во всех склоках между различными начальниками отделов штаба инженерных войск. Я всё время попадал в такие ситуации. Какой-нибудь начальник просил выделить ему солдата, главным образом, с целью отвезти посылочку в Москву. Поскольку начальник был в высоком чине, я выполнял его просьбу. А потом меня ругали за использование людей не по назначению. <...> Поэтому, хотя жизнь у меня внешне и была очень спокойная, но мне она была совсем не по нутру. Да и отсутствие хоть сколько-нибудь серьёзных дел действовало удручающе.

Я мечтал о том, как уехать к основному отряду и включиться в его работу. Такая возможность возникла в связи с временным возвращением из-под Сталинграда моего непосредственного начальника Печёнкина. Он как раз всеми силами стремился остаться в Подмосковье. Мы как-то очень быстро согласовали вопрос со штабом инженерных войск, и я с двумя солдатами <...> двинулись на юг.

Об авторе

Сергей Дмитриевич Шер (1918–1990) окончил Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе. Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, награждён боевыми медалями. Вся его научная жизнь связана с ЦНИГРИ.

Крупный специалист в области геологии золоторудных месторождений, опубликовал более 130 работ. Вёл исследования на Урале, в Баргузинской и Ленской тайге, в Приамурье, Средней Азии, в том числе одним из первых начал геолого-структурное изучение золоторудного месторождения Мурунтау, руководил пионерными поисковыми работами в рудных полях Сухой Лог и Вернинское. Обобщил данные по золотоносности земного шара в двухтомной монографии «Металлогения золота» (1972, 1974).